

15. Локотко, А. И. Белорусское народное зодчество. Середина XIX–XX в. / А. И. Локотко. – Минск: Наука и техника, 1991. – 286 с.

16. Рагойша, В. Заходнебеларускае мястэчка як асяродак беларуска-польскага культурнага сумежжа / В. Рагойша // Куфэрак Віленшчыны. – 2000. – № 2. – С. 23–29.

(Дата падачы: 24.02.2023 г.)

Ю. Н. Кежа

Белорусский государственный университет, Минск

Y. Kezha

Belarusian State University, Minsk

УДК 913(4):82-94

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ГРАНИЦАХ РУСИ В ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ¹

IMAGINATIONS ABOUT THE BORDERS OF RUSSIA IN THE TALE OF BYGONE YEARS

В статье рассматриваются представления о границах Руси, нашедшие отражение в наиболее раннем письменном памятнике Восточной Европы – «Повести временных лет». На основе анализа летописного материала делается вывод о восприятии границ в Древней Руси в двух основных значениях. В первом значении граница рассматривалась как зона соприкосновения с иноязычным, как правило, языческим миром. При контактах с представителями нехристианских народов лимитирование границы сопровождалось строительством городов на занятых территориях, что предусматривало включение некогда чужого пространства в освоённую, христианскую ойкумену. Второе значение границы предусматривало условное разделение владений правивших на Руси князей-Рюриковичей. Представление о границах внутри владений княжеской династии осмыслялось в соответствии с библейской традицией, где важнейшим принципом разделения земель было дальнейшее мирное сосуществование между представителями правящего рода.

Ключевые слова: Повесть временных лет; граница; Древняя Русь; печенеги; половцы; князья-Рюриковичи.

The article discusses the ideas about the borders of Rus, reflected in the earliest written monument of Eastern Europe – "The Tale of Bygone Years". Based on the analysis of chronicle material, a conclusion is made about the perception of borders in Ancient Russia in two main meanings. In the first sense, the border was considered as a zone of contact with a foreign language, usually a pagan world. During border contacts with representatives of non-Christian peoples, the limitation of the border was accompanied by the construction of cities in the occupied territories, which provided for the inclusion of the once foreign space in the developed, Christian ecumene. The second meaning of the border provided for the conditional division of the possessions of the Rurik princes who ruled Russia. The concept of boundaries within the possessions of the princely dynasty was comprehended in accordance with the biblical tradition,

¹ Работа подготовлена в рамках проекта БРФФИ «Политическая коммуникация на территории Восточной Европы (конец X–XIII в.)», договор № Г23ИП-005.

where the most important principle of the division of lands was further peaceful coexistence between representatives of the ruling family.

Key words: The Tale of Bygone Years; the border; Ancient Rus; Pechenegs; Cumans; Rurik princes.

Образ пространства, которое обозначается границами, является частью картины мира любого сообщества. Сама категория пространства, воспринимаемая современным человеком как понятная и универсальная, в различные исторические периоды осмыслялась по-разному [1, с. 52–87]. Для человека Древней Руси X–XIII вв., как и практически любого человека доиндустриальной эпохи, пространство ограничивалось территорией, освоенной представителями «своего» сообщества. Конструируемые граница(цы), были призваны служить маркером, отделяющим освоенную и безопасную территорию от территории чужой и враждебной. Отделение «своих» от «чужих» являлось основополагающим принципом формирования фронтиров.

Помимо этого, на землях Древней Руси, где господствовала княжеская династия Рюриковичей, уже с последней четверти X в. началось разделение земель между представителями правящего рода [2, стб. 69п]. К середине XII в. в Древней Руси существовало около 10 земель-княжеств [3, с. 40]. Между владениями древнерусских князей также приходилось выстраивать границы, которые при условности их географической лимитации нашли своё отражение в летописях и осознавались если не всеми жителями Древней Руси, то представителями княжеского рода и летописцами-интеллектуалами.

Таким образом, в соответствии с анализом летописного материала, в Повести временных лет (далее – ПВЛ) можно выделить два уровня восприятия границ. В случаях внешней агрессии и военных столкновений Руси со степными нехристианскими, а также иноязычными народами, древнерусский летописец обозначает границы как зоны контактов с чужим и, следовательно, враждебным миром. В летописных сообщениях также встречается информация о границах между владениями князей-Рюриковичей. Восприятие границ внутри древнерусских земель, в данном случае, соотносилось с библейским сюжетом о разделении земель и было связано с отношениями внутри княжеского рода.

Изучение представлений о древнерусском пограничье и вытекающие из него социальный и ментальный аспекты понимания «своего» и «чужого» миров уже несколько десятилетий привлекают внимание исследователей. Восприятие этнокультурной границы Руси сквозь призму библейских образов рассматривали И. Н. Данилевский и А. В. Лаушкин [4, с. 301–356; 5]. К проблеме осмысления внешнего мира домонгольской Руси и формирования представлений об иноэтничных сообществах обращались В. Я. Петрухин, В. В. Долгов, М. Ю. Андрейчева [6, с. 58–101; 7, с. 40–66; 8, с. 266–393; 9]. Изучением представлений о формировании государственной территории

Древней Руси и разделении власти внутри рода Рюриковиче подробно занимались А. Н. Насонов В. А. Кучкин, А. В. Назаренко [10; 11; 12; 13]. При наличии многочисленных работ по социально-политической истории Руси и изучении этнокультурных представлений, остаётся до сих пор актуальным исследование древнерусского фронта, а именно – способов формирования пространственных ориентиров и связанных с этим политических и культурных практик.

«Внешние» границы. В отличие от современного восприятия границ как чётко очерченных линий, которые являются неотъемлемым атрибутом любого современного государства, границы в Древней Руси представляли собой широкое пространство между отдельными населёнными пунктами или обжитыми областями [4, с. 300; 14, с. 129]. Данное восприятие границ характерно для доиндустриальных обществ, и определяется при помощи методов гуманистической географии. Согласно основателю данного направления И Фу Туану, существуют различия между «местом» (place) и «пространством» (space). «Место» – это освоенная, знакомая территория, которая связана с непосредственным опытом человека. Конкретное место соотносится с ощущением покоя и безопасности. Месту противостоит «пространство» – обширная, малоизвестная территория, которая воспринимается как незащищённая и опасная [15, с. 19–33]. Данный подход находит своё проявление в древнерусском летописном материале, где освоенному «месту» (древнерусскому городу) противостоит неизвестное «пространство» (печенежская/половецкая степь).

В ПВЛ немаловажное значение уделено описанию обозначений границ и их обустройству. Впервые подобные действия летописец относит к правлению киевского князя Владимира Святославича. Под 989 г. описывается строительство древнерусских городов на границе с враждебной печенежской степью: *«и нача ставити (Владимир. – Ю. К.) города по Деснѣ. и по Востри. и по Трубешеву. и по Сулѣ. и по Стугнѣ. и поча нарубати мужѣ лучьшиѣ. ѿ словень и ѿ Кривичъ. и ѿ Чюди. и ѿ Вятичъ. и ѿ сихъ насели грады. бѣ бо рать ѿ Печен[г]ѣ. и бѣ воюаеа с ними. и идолаа имъ»* [2, стб. 121]. В 1032 г. сын Владимира Ярослав, также руководил возведением городов на границе со степью по реке Рось: *«Ярославъ поча ставити города по Рѣси»* [2, стб. 150].

В сообщениях ПВЛ 989 и 1032 гг. степь (поле) – пространство, трактуемое как культурная периферия, граница «своего» и «чужого» миров. Эта территория, которая характеризуется безжизненностью, незаселённостью, а значит рассматривается как чужая и небезопасная [16, с. 134].

С конфессиональной точки зрения днепровские степи – место обитания язычников-печенегов которые нападают на земли Руси и разоряют её христианское население. С середины XI в. на земли печенегов приходят половцы, которые вплоть до монгольского нашествия являлись одной из самых актуальных проблем внешней политики русских князей.

На протяжении домонгольского периода, древнерусскими летописцами обозначается принадлежность половцев к язычеству, что находит отражение в наименовании их как «поганого», «безбожного», «беззаконного» народа. Это подчёркивает их антагонистичность к христианской вере и христианским святыням [17, с. 182–183; 5, с. 248]. В период составления ПВЛ (конец XI – начало XII вв.) подобное отношение экстраполировалось на более ранний период и также относилось к печенегам и торкам как потомкам ветхозаветного Измаила из «Откровения» Мефодия Патарского [9, с. 133–134]. В конце X в. Русь, обретающая христианское самосознание, на своих границах приобретает собственных варваров, которыми являлись нехристианские степные народы – печенеги и половцы [18, с. 486].

Согласно средневековому восприятию пространства в древнерусской книжной культуре, оппозиция «своё»/«чужое» воспринималась как вариант противопоставления «хорошее»/«плохое», что в свою очередь предполагало деление земель на праведные и грешные [19, с. 244]. Создание же городов, помимо сугубо рациональной цели – предотвращения набегов степняков, следует рассматривать в символическом контексте как маркирование «своего», христианского «окультуренного» пространства, которое отделяет русские земли от пространства «чужого» и нехристианского.

В подобном контексте следует воспринимать возведение в 992 г. Владимиром города Переяславля Южного. Город был возведён на месте победы русского войска над печенегами: «*Володимеръ же радъ бывъ. заложи городъ на бротъ томъ. и наре и Переаславль*» [2, стб. 123]. Семантика города, как обозначение границы между «своими» и «чужими» мирами просматривается при возведении в 1030 г. Ярославом Владимировичем приграничного города Юрьева после победы над чудью: «*Иде Ярославъ на Чюдь. и побъди а. и постави градъ Юрьевъ*» [2, стб. 149 п]. Как и в сообщении 992 г., основание города на месте победы над враждебным войском показывает символическое лимитирование границы и обозначение освоенного пространства.

В годы правления в Киеве Ярослава Мудрого (1018–1054) актуализируется идея богоизбранности Руси. Организация городского пространства Киева по образцу Константинополя могла восприниматься как претензия на право стать новым центром богоспасаемого мира – Русской земли [4, с. 306–308]. Данные идеи были воплощены в градостроительной деятельности Ярослава, а также в произведении «Слово о законе и благодати» его современника Иллариона [2, стб. 151; 20, с. 95–96]. «Богоизбранная Русская земля», таким образом, обозначает свою территорию путём возведения небольших городов, за которыми простирается враждебное пространство языческой печенежской/половецкой степи. Градостроительная деятельность древнерусских князей показывает их как непосредственных организаторов данного пространства.

Во многих летописных сообщениях довольно чётким обозначением приграничных территорий являются реки. Река в традиционных славянских культурах осмысливается как граница, разделяющая природное пространство на «свое» и «чужое». Местность за рекой изображалось в фольклорных текстах как мифическая страна или потусторонний мир [21, с. 417].

В недатированной части ПВЛ места проживания славянских племён обозначаются именно реками [2, стб. 6]. Как уже было отмечено выше, реки Десна, Остёр, Трубеж, Сула, Стугна и Рось являлись в XI–XIII вв. границей Руси со степным миром. В более ранний период, до правления Владимира Святославича (80-е гг. X в.), летописец не упоминает городов южнее Киева. Впервые, для защиты Руси от кочевников крепость на Стугне ставит Владимир, и, вероятно, именно эта река была пограничной рекой между Русью и степью [4, с. 323]. Спустя сто лет после Владимира, река Стугна выступает как граница со степью при походе древнерусских князей на половцев в 1093 г.: *«Стѣполкъ же и Володимеръ. и Ростиславъ созваша дружину свою на свѣтъ. хотяче поступити чересъ рѣку (Стугну. – Ю. К.) ... Киѣне же не всхотѣша [свѣта сего]. но рекоша хочемъ сѧ бити. поступимъ на вну сторону рѣки. [и] възлюбиша свѣто сѧ и преидоша Стугну рѣку»* [2, стб. 219–220].

Во многих летописных сообщениях приграничная река является местом встречи двух враждебных войск. В 992 г. войско Владимира Святославича встречается с печенегами на реке Трубеж: *«Володимеръ же поиде противу имъ и сrete и на Трубеши ни бродѣ. кде нѣньгъ Переяславль. и ста Володимеръ на сѣи сторонѣ. а Печенѣзи на внои. и не смаху си на вну страну. ни вни на сю страну. и приѣха князь Печенѣжскѣи к рѣкѣ. во[з]ва Володимера и речѣ ему. выступи ты свои мужь а ѧ свои да сѧ борета.»* [2, стб. 122]. В данном сообщении река символизирует границу между враждебными войсками, через которую между правителями ведутся переговоры о поединке.

Подобным образом в 1018 г. на берегу реки Западный Буг встречаются войска польского короля Болеслава Храброго со Святополком и войска киевского князя Ярослава Мудрого: *«Приде Болеславъ съ Стѣполкомъ на Ёрослава с Лахы. Ёрославъ же совокупивъ Русь. и Варагъ. и Словѣнъ. поиде противу Болеславу. и Стополку. [и] приде Волыню. и стаща вбаполь рѣкы. Буга. и бѣ оу Ёрослава кормилецъ. и воєвода. именемъ Буды. нача оукарати Болеслава глѧ. да то ти прободемъ трѣскою черево. твое тольстоє»* [2, стб. 142–143]. В сообщении река Буг является границей между русскими землями и польскими владениями Болеслава.

Встречи на приграничных территориях, согласно повествованию летописца, могли начинаться с переговоров о поединке между противоборствующими сторонами. При описании битвы войска Владимира с печенегами в 992 г., столкновение предваряет стояние двух войск друг напротив друга по берегам реки Трубеж. С обеих сторон выставляется по одному воину,

битва которых должна решить исход противостояния. Итогом приграничного конфликта 992 г. стала победа русского воина и основание города Переяславля. Как и в предыдущих сообщениях, возведение города символизирует маркирование занятого, а значит «освоенного» и христианизированного пространства [2, с. 123]. Похожее по сюжету сообщение датируется в ПВЛ 1022 г. Речь идёт о военном походе тмутараканского князя Мстислава Владимировича на кавказский народ касогов [2, с. 146–147].

«Внутренние» границы. В древнерусских нарративах граница(цы) обозначаются не только в контексте разделения двух конфессиональных и враждебных миров, но и как черта, лимитирующая владения между князьями-Рюриковичами.

Одной из особенностей раннесредневековых политических образований Европы был взгляд на подвластную территорию как на коллективное владение, которое передавалось от правителя-отца всей совокупности сыновей-наследников [12, с. 7]. Данное явление в историографии получило наименование «*corpus fratrum*» и предусматривало равное участие всех представителей династии в управлении государством, при номинальном подчинении младших братьев-правителей старшему. Принцип и идея коллективного правления нашли своё проявление в политической истории Древней Руси X–XII вв. [13, с. 136].

Само начало истории всех известных народов автор ПВЛ связывает с разделом земли после Потопа между библейскими сыновьями Ноя – Симом, Хамом и Иафетом: «*Сим[ъже] Хамъ. и Афетъ раздѣлившие землю жребьи метавшие. не преступати никому же. въ жребии братень. [и] живахо кождо въ свои части*» [2, стб. 4–5]. Описание разделения земель между сыновьями Ноя в ПВЛ, как было отмечено ещё А. А. Шахматовым, представляло собой компиляции, которые были основаны на Хронике Георгия Амартола и «Хронографу по великому изложению» [22, с. 42–44]. Вероятно, что само понимание разделения пространства (владений) в древнерусской интеллектуальной среде основывалось на переводных источниках, которые, в свою очередь, ориентировались на библейскую парадигму.

Ключевыми действиями трёх библейских братьев стало формирование границ («*жребии метавшие*»), а также договор в соблюдении «территориальной целостности» владений друг друга («*не преступати никому же въ жребии братень*»). Именно принцип взаимного признания владений и отсутствия территориальных споров между князьями Рюриковичами станет ведущим лейтмотивом при разрешении межкняжеских конфликтов в XI–XII вв.

Отчётливая параллель библейского сюжета о разделе земель между сыновьями Ноя отражена в сообщении ПВЛ о смерти киевского князя Ярослава Владимировича в 1054 г. [6, с. 122]. На смертном одре великий киевский князь делит земли Руси между пятью своими сыновьями – Изяславом, Святославом, Всеволодом, Игорем и Вячеславом: «*се же поручаю в собе*

мѣсто столь старѣйшему снѣ моему и брату вашему Изяславу Кыевъ. сего послушайте ако послушасте мене. да то вы будете в мене мѣсто. а Стѣславу даю Черниговъ. а Всеволоду Переяславль. [а Игорю Володимерь] а Вячеславу Смоленскъ. и тако раздѣли имъ грады. заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братна .» [2, стб. 161]. Как отмечал С. Франклин, «Завещание Ярослава» 1054 г. имеет явное литературное происхождение [23, р. 11].

В полном тексте сообщения ПВЛ о разделе земель между сыновьями Ярослава фигурируют пять сыновей киевского князя. В младшей редакции Новгородской первой летописи (далее – НПЛ) находится запись, где при описании раздела земель фигурируют не пять сыновей, а три старших князя – Изяслав, Святослав и Всеволод: *«И преставися Ярославъ, и оставися 3 сынове его: вятииши Изяславъ, а средний Святославъ, мениши Всеволод. И раздѣлиши землю, и взя болииши Изяславъ Кыевъ и Новѣгород и инии города многы киевскыя во предѣлах; а Святославъ Черниговъ и всю страну вѣсточную и до Муромъ; а Всеволод Переяславль, Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро, Поволожье»* [24, с. 160]. В сообщении отсутствует упоминание о какой бы то ни было политической воли со стороны Ярослава. Территория Руси, согласно НПЛ, делится между тремя братьями уже после смерти киевского князя. Представляется очевидным, что сокращение числа Ярославичей до трёх было обусловлено началом летописного текста – библейским сюжетом о разделе земель между тремя сыновьями Ноя [25, с. 136]. Политическая реальность Руси 60–70-х гг. XI в. – правления трёх старших Ярославичей после смерти младших князей Вячеслава (1057) и Игоря (1060) актуализировало «иеротопические» библейские мотивы о сыновьях Ноя и заповеди мирного отношения между братьями [18, с. 488].

Идея мирного существования между князьями-братьями, по аналогии с библейской историей о сыновьях Ноя, составляет основу сообщений о разделе земель между Ярославичами в ПВЛ и НПЛ. Поэтому вполне понятно негодование летописца по поводу нарушения мира между князьями в 1073 г., изгнания старшего Изяслава и раздела прежних территорий между Святославом и Всеволодом: *«а Стѣславъ съде Кыевъ прогнавъ брата своего. преступивъ заповѣдь вѣтню. паче же Бжѣю. велии бо естъ грѣхъ преступающе заповѣдь вѣца своего. ибо исперва преступиша снѣве Хамови. на землю Сивоу»* [2, стб. 183]. Святослав как инициатор нарушения установленного отцом порядка коллективного властвования в Русской земле сравнивается с потомками библейского Хама, которые вторглись на землю Сифа [6, с. 66]. Рассказ о сыновьях Ноя является образцом, согласно которому основой мирного сосуществования между князьями-Рюриковичами является соблюдения границ властвования (*«не преступати предѣла братна»*). Нарушение же установленных границ, овладение соседними территориями, изгнание князя из его владений также находит библейскую аналогию в сюжете о Хаме и Симе.

Как и при разделении земель на «свои» и «чужие», конкретной границей, разделяющей владения между древнерусскими князьями, выступают реки. По Днепру проводится граница между владениями киевского князя Ярослава Владимировича и его брата, черниговского князя Мстислава в 1026 г.: *«Ярославъ совокупи вое многы. и приде Къйеву и створи миръ с братомъ своимъ. Мъстиславомъ оу Городьца. и раздѣлиста по Днѣпръ Русьскую землю. Ярославъ прие сю сторону. а Мъстиславъ вну. и начаста жити мирно. и в братолюбствѣ. и оуста оусобица и матежъ. и бысѣ тишина велика в земли»* [2, стб. 149 п]. На этой же реке в 1068 г. происходят переговоры между южнорусскими князьями Изяславом, Святославом, Всеволодом и полоцким князем Всеславом Брячиславичем [2, стб. 167]. На реке Западный Буг в 1097 г. состоялись переговоры между Давыдом Игоревичем и киевским князем Святополком Изяславичем [2, стб. 269].

Речная граница как символическое обозначение княжеских владений наряду с отсылкой к библейскому пассажи о разделе земли между братьями и соблюдении как территориальных границ, так и границ власти находит своё отражение в летописном сюжете об убийстве Бориса Владимировича. В сообщении о борьбе за власть в 1015 г. отчётливо просматривается идея мирного существования между братьями и признания младшим братом властных прав брата старшего: *«и ста (Борис. – Ю. К.) на Льтъ пришедь. рѣка же ѣму дружина вѣтна. се дружина оу тебе вѣтна и вои. поиди сади Къйевъ на столъ вѣтни. вѣтъ же речѣ не буди мнѣ възнати рукы на брата своего старѣишаго. аще и вѣѣ ми оумре. то съ ми буди въ вѣѣ мѣсто»* [2, стб. 132].

В сообщении наблюдается параллель с рассказом о разделе земли между сыновьями Ноя и заповедью *«не преступати никомуже. въ жребии братьень»*. После смерти Владимира Святославича Киев был занят Святополком – одним из его старших сыновей. Один из младших сыновей Владимира, Борис, находился за пределами киевской земли в походе на печенегов. Отцовская дружина предлагает молодому князю занять киевский стол, однако Борис отказывается пойти на нарушения принципа старейшинства. В данном сообщении автор обозначает границу Русской земли на реке Альта, которая разделяет половецкую степь и русские княжества. Переход речной границы в данном случае обозначает вторжение на территорию старшего брата, посягательство на верховную власть и, следовательно, нарушение принципа династического старейшинства.

Таким образом, исходя из имеющегося летописного материала, отражённого в ПВЛ, понятие «границы» в Древней Руси воспринималось в двух основных значениях: как зона соприкосновения с иноязычным, как правило, языческим миром и как условные рубежи внутри восточнославянских земель, которые разделяли владения правивших на Руси князей-Рюриковичей.

При приграничных контактах с представителями враждебных Руси обществ (печенегам, половцам, фино-угорскими народами) лимитиро-

вание границы сопровождалось строительством городов на занятых территориях, что предусматривало включение некогда чужого пространства в освоенную христианскую ойкумену. Представление о границах внутри владений династии Рюриковичей осмыслялось сквозь призму библейских параллелей, где важнейшим принципом разделения было мирное сосуществование между представителями правящего рода.

Список использованных источников

1. *Гуревич, А. Я.* Избранные труды. Средневековый мир / А. Я. Гуревич. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – 560 с.
2. Полное собрание русских летописей. – Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1926–1928. – Т. 1: Лаврентьевская летопись. – 379 с.
3. *Кучкин, В.* Своя рубашка ближе к телу. Древнерусские княжества IX–XIII вв. / В. Кучкин // Родина. – 2002. – № 11–12. – С. 38–41.
4. *Данилевский, И. Н.* Герменевтические основы изучения летописных текстов. Повесть временных лет / И. Н. Данилевский. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2019. – 448 с.
5. *Лаушкин, А. В.* Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI–XIII вв. / А. В. Лаушкин. – М.: Университет Дмитрия Пожарского. Русский фонд содействия образованию и науки, 2019. – 304 с.
6. *Петрухин, В. Я.* Древняя Русь: Народ. Князь. Религия. / В. Я. Петрухин. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 760 с.
7. *Петрухин, В. Я.* «Русь и все языки»: Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки / В. Я. Петрухин. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 384 с.
8. *Долгов, В. В.* Быт и нравы Древней Руси / В. В. Долгов. – М.: Яуза, Эксмо, 2007. – 512 с.
9. *Андрейчева, М. Ю.* Образы иноверцев в Повести временных лет / М. Ю. Андрейчева. – СПб.: Нестор-История, 2019. – 184 с.
10. *Насонов, А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование / А. Н. Насонов. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 256 с.
11. *Кучкин, В. А.* «Русская земля» по летописным данным XI – первой трети XIII в. / В. А. Кучкин // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993. – М.: Наука, 1995. – С. 74–100.
12. *Назаренко, А. В.* «Ряд» Ярослава Мудрого в свете европейской типологии / А. В. Назаренко // Древняя Русь и славяне (Древнейшие государства Восточной Европы, 2007 год). – М.: Русский Фонд Содействия Образования и Науке, 2009. – С. 29–46.
13. *Назаренко, А. В.* Братское совладение, отчина, сеньорат (династический строй Рюриковичей X–XII вв. в сравнительно-историческом аспекте) / А. В. Назаренко // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год. Рюриковичи и Российская государственность. – М.: Индрик, 2008. – С. 132–179.
14. *Дёмин, А. С.* «Повесть временных лет» / А. С. Дёмин // Древнерусская литература: восприятие Запада в XI–XIV вв. – М.: Наследие, 1996. – С. 100–156.
15. *Yi-Fu, Tuan.* Space and Place. The Perspective of Experience / Tuan Yi-Fu – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977. – 235 p.
16. *Агапкина, Т. А.* Поле / Т. Я. Агапкина // Славянские древности: этнолингв. слов.: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 2009. – Т. 4. – С. 133–137.
17. *Конявская, Е. Л.* Половцы в ранних летописях: оценки и интерпретации летописцев / Е. Л. Конявская // Словяне (Slovene). – 2015. – № 1–2. – С. 180–190.

18. Петрухин, В. Я. Иеротопия Русской земли и начальное летописание / В. Я. Петрухин // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. – М.: Индик, 2006. – С. 480–490.

19. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М.: «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.

20. Молдован, А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона / А. М. Молдован. – Киев: Наукова думка, 1984. – 240 с.

21. Виноградова, Л. Н. Река / Л. Н. Виноградова // Славянские древности: этнолингв. слов.: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 2009. – Т. 4. – С. 416–419.

22. Шахматов, А. А. «Повесть временных лет» и её источники / А. А. Шахматов // ТОДРЛ., Т. 4. – М.; Л.: Академия Наук СССР, 1940. – 150 с.

23. Franchlin, S. Some Apocryphal sources of Kievan Russian History / S. Franchlin // Oxford Slavonic Papers: New Series., 1982. – Vol. 15. – P. 6–15.

24. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. – 576 с., ил.

25. Гиппиус, А. А. Ярославичи и сыновья Ноя в Повести временных лет / А. А. Гиппиус // Балканские чтения 3. Лингво-этнокультурная история Балкан и Восточной Европы: Тезисы и материалы симпозиума. – М., 1994. – С. 136–141.

(Дата подачи: 26.01.2023 г.)

О. Б. Келлер

Белорусский государственный университет, Минск

O. B. Keller

Belarusian State University, Minsk

УДК 94:34(430)

НЕОТЪЕМЛЕМЫЕ АТРИБУТЫ ПАЛОМНИЧЕСТВА ХРИСТИАН В СРЕДНИЕ ВЕКА

INTEGRAL ATTRIBUTES OF THE PILGRIMAGE OF CHRISTIANS IN THE MIDDLE AGES

Данная статья посвящена неотъемлемой атрибутике паломничества христиан в период Средневековья. Паломничество христиан, или их благочестивое путешествие к Святому месту, – одно из интереснейших явлений, уходящее корнями в период античности. Период расцвета паломничества христиан приходится на Средние века, особенно на 1150–1450 гг. Паломничество продолжает играть важную роль в Новое и Новейшее время, к тому же оно характерно не только для христианской религии, но является феноменом, присущим и иным религиям. В статье сделан вывод о том, что паломничество христиан в Средние века невозможно представить без трёх важных элементов: 1) получения благословения для осуществления паломнической миссии; 2) облачения паломника в специальную одежду (кляку, шляпу, суму, пелерину); 3) решения паломником всех своих мирских дел перед дорогой.

Ключевые слова: паломники; священный обет; кляка; шляпа; пелерина; сума; мотивы совершения паломничества; помощь религиозных братств.